

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'2

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-42-52>

Структурно-семантические особенности этно-стереотипизации пространственно-временных отношений в различных лингвокультурах (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)

Э.В. Маремукова¹ ✉¹Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик 360004, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация

✉ e-mail: eleonora16@mail.ru

Резюме

Цель. Статья нацелена на определение особенностей языковой фиксации пространственно-временных отношений в языках с различной структурой, выявление уникальных характеристик, составляющих неотъемлемую часть культуры народа, специфику национальной ментальности, репрезентированную в языке. На материале разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков в компаративном аспекте проанализировано языковое обозначение понятий пространства и времени.

Методы. Использование комплекса общенаучных и лингвистических методов, в числе которых методы компаративного, лексико-семантического, этимологического и концептуального анализа, позволило выявить особенности языковой объективации этнокультурной информации в исследуемых языках, учесть специфику национального мышления в процессе языковой проекции культурно значимой информации, установить различия в восприятии и интерпретации разными народами деталей окружающего мира, а также роль языка в формировании национально-культурной идентичности.

Результаты исследования выявили лингвокультурные различия в перцепции и языковой объективации времени у разных народов, в частности структурно-семантические особенности фиксации в языке темпоральных концептов, а также языковой проекции использования определенной референциальной системы. Введение в научный оборот нового языкового материала содействует дальнейшим исследованиям в лингвокультурологии, поскольку, как отмечено многими исследователями, ни одна лингвокультура не способна дать исчерпывающей информации.

Заключение. Компаративный анализ используемых стратегий пространственного кодирования (абсолютной и относительной систем референции) выявляет репрезентацию в родном языке способа мышления его носителей, а также влияние языка на восприятие окружающего мира. Темпоральная категоризация действительности эксплицирует особенности национального мировидения. Наличие в языке большого количества уточняющих время деталей можно рассматривать как показатель значения, которое придается этническим сообществом времени.

Ключевые слова: язык; культура; лингвокультура; стереотипизация; пространство-временные отношения; системы референции; темпоральная категоризация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Маремукова Э.В. Структурно-семантические особенности этно-стереотипизации пространственно-временных отношений в различных лингвокультурах (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 42-52. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-42-52>.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024

Статья подписана в печать 11.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

Structural and semantic features of ethno-stereotyping of space-time relations in different linguistic cultures

Elleonora V. Maremukova¹ ✉

¹Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
173, Chernyshevsky str., Nalchik 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation

✉ e-mail: eleonora16@mail.ru

Abstract

Purpose of research. The article is aimed at determining the features of the linguistic fixation of space-time relations in languages with different structures, identifying unique characteristics that form an integral part of the culture of the people, the specifics of the national mentality represented in the language. Based on the material of differently structured Kabardian-Circassian, Russian and English languages terms of space and time are analyzed in a comparative aspect.

Methods. The use of a complex of general scientific and linguistic methods, including methods of comparative, lexical-semantic, etymological and conceptual analysis, made it possible to identify the features of linguistic objectification of ethnocultural information in the languages under study, to explore the features of national thinking in the process of linguistic projection of culturally significant information, to establish differences in the perception and interpretations of details of the surrounding world by different peoples, as well as the role of language in the formation of national and cultural identity.

The results of the study revealed linguocultural differences in the perception and linguistic objectification of time among different peoples, in particular, structural and semantic features of fixation of temporal concepts in the language, as well as the projection of the use of a certain referential system in the language and at the cognitive level. The introduction of new language material into scientific use promotes further research in linguoculturology, since, as noted by many researchers, not a single linguoculture is capable of providing comprehensive information.

Conclusion. A comparative analysis of the spatial coding strategies used (absolute and relative systems of reference) reveals the representation in the native language of the way of thinking of its speakers, as well as the influence of language on the perception of the surrounding world. The temporal categorization of reality explicates the peculiarities of national worldview. The presence in a language of a large number of time-specifying details can be seen as an indicator of the meaning that an ethnic community attaches to time.

Keywords: language; culture; linguoculture; stereotyping; space-time relations; reference systems; temporal categorization.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Maremukova E.V. Structural and semantic features of ethno-stereotyping of space-time relations in different linguistic cultures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 42–52 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-42-52>.

Received 29.01.2024

Accepted 11.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

В условиях глобализации и взаимопроникновения культур и языков развитие у представителей различных культур необходимой концептуальной компетентности выступает условием обеспечения

эффективной международной и межкультурной коммуникации.

Пространство и время – две наиболее важные базовые концептуальные области человеческого мышления, не являющиеся частью другой более фундаментальной области, и ни одно из них не может быть сведено к другому.

В теоретических рамках Р. Лангакер обозначил время и пространство как набор базовых областей, а А. Вежицкая – семантическими примитивами [1; 2].

Представления о времени и пространстве выступают в числе ориентиров при формировании картины мира. Антропоцентричность языка предполагает, что человек видит мир таким, каким он представлен в его языковой культуре [3].

Исследование языкового выражения пространства и времени обычно предполагает взаимозависимость между этими двумя связанными концептуальными областями, что приводит к квазиметафорическим отношениям, в которых время вторично по отношению к пространству. При этом некоторыми исследователями отмечено, что в применении этих понятий взаимозависимость не прослеживается, поскольку они сильно различаются по контекстуальной среде и моделям, в которых они встречаются в естественном дискурсе, и с точки зрения использования языковое обозначение понятия времени не предполагается вторичным по отношению к обозначению пространства [4].

В соответствии с типологией С. Левинсона [5], языки мира проецируют абсолютную, относительную и внутреннюю системы ориентации: «север/юг/восток/запад», «влево/вправо/вперед/назад», «перед/за». Каждая система имеет подтипы. Абсолютная и относительная системы исследуются в противопоставлении. Относительная система широко распространена в индоевропейских языках, при этом во многих океанических, папуасских и австралийских языках при кодировании пространственного значения используется абсолютная система. Доминирование одной системы приводит к специфическому кодированию информации [6, с. 229].

Привычная индоевропейцам система координат, две оси которой зависят от тела человека, эгоцентрична и включает ось «налево-направо» и ось «назад-вперед», ортогональную ей. Эта система ко-

ординат движется вместе с человеком, куда бы он ни повернулся. Оси смещаются вместе с полем зрения человека таким образом, что то, что впереди, при повороте оказывается позади, или то, что справа, меняет свое положение налево. При этом язык австралийского народа гуугу йимитирр на Крайнем Севере Квинсленда использует фиксированные географические направления, основанные на направлениях компаса на север, юг, восток и запад, не меняющиеся с движениями человека – то, что находится на севере от человеческого тела, остается на севере, независимо от телодвижений и поворотов [7].

Н. Эванс отметил лингвокультурные особенности языка кайадилт – аборигенного австралийского народа группы Южного Уэллсли в заливе Карпентария, Квинсленд: доминирующая абсолютная система ориентации обязывает обращать внимание на пространственные положения и использовать абсолютное исчисление координат. К примеру, отмечается отсутствие в этом языке слова, эквивалентного английскому «Hello» (привет): используемое в языке приветственное выражение заключает в себе вопрос о направлении движения и требует соответствующего ответа в рамках абсолютной системы координат: к примеру, со значением «я иду на север» [8]. Таким образом, язык предопределяет культурную необходимость ориентироваться по сторонам света.

Время лингвистически кодифицируется в рамках глагольной морфологии как абсолютное и относительное время, а также посредством локативных имен, пространственных наречий, превербов, послелогов, существительных и других лексико-грамматических единиц.

Существенный вклад в изучение проблемы концептуализации времени внесли неорелятивисты. Большинство распространенных моделей изучения времени основано на идее, что время – это движение. В европейских языках выделяют две основные формы времени – модель движущее-

гося эго и модель движущегося времени. В обоих случаях будущее видится как лежащее перед эго, а прошлое – позади него.

В представлении носителей английского языка «будущее» имеет эквивалент «впереди», а «прошлое» – «позади». В то же время для южноамериканских индейцев аймара будущее позади, а прошлое впереди. Юпно-папуасы считают, что прошлое находится у подножия холма, а будущее – на его вершине. Данные примеры подтверждают принципиальные когнитивные различия представителей разных культур и определяющий фактор языка в формировании данных дивергенций [6, с. 9].

В большинстве языков отмечается трехмерная система времени: прошедшее, настоящее и будущее. При этом исследователи отмечают, что многие языки ограничиваются системой с двумя глагольными временами, соотносимыми как «позже» и «раньше» [7, с. 2]. Существуют языки, в которых грамматически не выделяется будущее время.

Б. Уорф считал, что прошлое, настоящее и будущее время являются частями сложного целого, в котором «настоящее» представляет собой все воспринимаемое чувственно, «прошедшее» является воображаемой частью памяти, а «будущее» – сторона догадки, интуиции и неопределенности. Согласно Уорфу, данные сферы взаимосвязаны и неразделимы, при этом основное темпоральное различие между ними раскрывается в сравнении с моментом, находящимся в центре внимания. При этом Б. Уорф в своем исследовании языка индейцев хопи отмечал, что в этом языке время как «мера», «протяженность», «субстанция» или «содержимое» (time) лингвокультурно не объективируется, и единственной субъективной характеристикой времени является его «становление более поздним». Он пояснял, что язык хопи не содержит «слов, грамматических форм, конструкций или выражений, которые непосредственно

относятся к тому, что мы называем «временем», или к прошлому, настоящему или будущему», а также «общего представления или интуиции о времени как о плавно текущем континууме, в котором все во вселенной протекает с одинаковой скоростью». В этой связи он приходит к выводу о том, что носители индейского народа хопи не воспринимают время так же, как говорящие на европейских языках, поскольку их язык не имеет категории времени и демонстрирует понятие и отношение ко времени, отличающееся от западной культуры [9].

При сравнении позиции Уорфа с подходом неогумбольдтианцев, исследователи отмечают, что Уорф не утверждал об отсутствии у народа хопи способности воспринимать время, а демонстрировал их своеобразную концептуализацию времени, нашедшую отражение в структуре их языка, что в свою очередь становится источником этой концептуализации [10, с. 74].

Исследователи, выступающие в поддержку позиции Уорфа, отмечают нетемпоральность религиозного сознания народа хопи и восприятие хопи времени «становлением более поздним», нивелирование всего нового посредством соотношения к тому, что происходило ранее [6, с. 193].

В китайском языке нет грамматических глагольных времен, в индонезийском языке время выражается посредством наречия – в форме глагола изменения нет.

Компаративный анализ понятий пространства и времени на материале разнотипных языков нацелен на выявление лингвокультурных различий в восприятии и языковой актуализации систем референции и темпоральных концептов.

Результаты и обсуждение

Языковая объективация пространственно-временных отношений в разнотипных языках, в частности их грамматическое оформление, включает в

себе специфику национальной ментальности, репрезентированную в языке.

В кабардино-черкесской референциальной системе «юг» обозначается словом «ипщэ» (и (его) + щэ (шея) – его шея), имеющим значение «верхний/яя/ее», расположенный/ая/ее ближе к шее (голове). В кабардино-черкесской лингвокультуре именно этой стороне отдается предпочтение, где понятие «выше» ассоциируется с представлением «главнее», «почетнее», а также соединяется с представлением о небе, солнце или божестве, началом вод, несущих живительную влагу на землю. Нижняя часть – «ищхэрэ» – менее почетная: «ИпщэкІэ фыдыхэ» – пройдите на почетную сторону (выше) [11, с. 25–26].

В русском, английском, кабардино-черкесском языках в основе встроенной референциальной системы находится куб, в связи с чем объекты проецируются как имеющие верхнюю, нижнюю, переднюю и заднюю стороны. В то же время для некоторых языков Центральной Америки, к примеру, в мезоамериканском языке цельталь референциальная система базируется на обозначениях частей тела человека и животных («ухо» стола, «рот» чайника или «губы» огня) [12].

Система координат каждой культуры зависит от ее окружающей среды, однако не может быть полностью под ее влиянием, что означает наличие выбора, предопределенного культурой [7, с. 190].

Эгоцентричные координаты доминируют при описании пространств малого масштаба, особенно внутри помещений, в связи с тем, что человек знает где находится «напротив него», «сзади», «справа», «слева от него». Эгоцентрическая система координат основывается на человеке, его теле и ближайшем визуальном поле.

В оппозициях «верх–низ» первое несет положительную коннотацию, второе – отрицательную. Именно поэтому низкий социальный статус, унылое состояние, плохое настроение описываются

во многих языках при помощи метафоры «низ», и наоборот, продвижение по службе, увеличение материального благосостояния, улучшение настроения передаются метафорой «верх»: в английском языке: «to be in high spirits» (быть в хорошем настроении), «to be in low spirits» (быть в плохом настроении), «to be on the rise» (идти в гору, улучшаться), «to feel low» (чувствовать себя подавленным); в русском языке: «птица высокого полета», «повышать по службе» / «понижать по службе»; «ниже своего достоинства», «голова поникла»; в кабардино-черкесском языке: «нэхыщхэ» (начальник, руководитель); «дэкІуеин» (подняться, продвинуться (по службе, в делах)); «щхэр лъагэ хъун» (быть в чести у кого-либо, возгордиться), «щхэр кыфІэхун» (отчаяться); «дунейр егъэзыхыгуэу хъын» (жить в трудностях) и другие.

Импликатура «низ» в английском языке нередко включает в себе положительную коннотацию: «low key» (сдержанно, неброско), «down to earth» (приземленный, реалистичный).

Во многих языках положительную коннотацию имеют устойчивые сочетания с лексемой «правый» и, наоборот, отрицательным значением отмечены обороты с лексемой «левый».

«Правый» в английском языке: «to be right» (быть правым), «to be all right» (чувствовать себя хорошо), «by right» (по справедливости), «to do the right thing» (поступать правильно), «to put right» (исправить), «that's right» (верно, справедливо), «to get something right» (правильно понять), «right-hand man» (верный помощник, правая рука), «be on the right track/way» (быть на правильном пути), в русском языке: «право», «быть правым», «правая рука», «правое дело», «справедливый», «правосудие» и другие; в кабардино-черкесском языке – «Іэ ижъ хуэ-хъун» (мастерски овладеть чем-либо).

«Левый» в английском языке: «to get up with someone's left foot» (быть в плохом настроении, встать не с той ноги),

«left-handed compliment» (сомнительный комплимент); в русском языке: «встать с левой ноги», «левый товар», «левый заработок»; в кабардино-черкесском языке: «Іэсэмэгу» (леворукий (неумелый), «жъэкІэ маисэ, ІэкІэ сэмэгу» (языком как меч, а в делах левша), «Іуэхум хуэсэмэгущ» (неумелый, нетрудолюбивый – досл.: он за дело берется левой рукой).

В культуре индейцев цельталь отсутствует символическая оппозиция между «правым» и «левым» («правое» не ассоциируется с «правильным», «истинным», «хорошим») [6, с. 246].

Эгоцентрическая и географическая системы не исчерпывают возможности говорить о пространстве и давать пространственные ориентиры. Указанные системы координат имеют свои преимущества и недостатки, и на практике в повседневной жизни используются обе системы в зависимости от их соответствия контексту. Естественнее использование сторон света на открытой местности, при ориентировании в крупном масштабе.

Эгоцентрические координаты доминируют при описании небольших пространств, особенно внутри зданий. Использование эгоцентрической системы легче и естественнее в связи с тем, что она основана непосредственно на собственном теле человека и находится в его непосредственном поле зрения. С другой стороны, система географических координат базируется на внешних понятиях, которые не приспособлены к ориентации человека и которые необходимо вычислять (или запоминать) с позиции солнца, звезд или особенностей ландшафта.

Проанализированный материал разноструктурных языков подтверждает определяющую роль языка в процессе концептуализации пространственных представлений.

Маркеры времени имеют тенденцию быть более грамматикализованными, чем пространственные [13].

Ключом к пониманию человеческой концептуализации времени полагаются когнитивная и языковая репрезентация событий и отношений между ними. Некоторыми исследователями отмечено, что именно событийность, а не время как таковое, делает время фундаментальным и универсальным для человеческого мышления [14].

В русском языке временные характеристики действия находят свое отражение, как известно, в трехмерной системе: настоящее время (совпадение с моментом речи – смотрю) – прошедшее время (предшествование моменту речи – смотрел(а)/посмотрел(а) – будущее время (следование за моментом речи – буду смотреть/посмотрю). Категория времени глагола тесно связана с категорией вида (несовершенного или совершенного вида). Глаголы несовершенного вида в изъявительном наклонении эксплицируют три формы времени – настоящего, прошедшего и будущего сложного (смотрю, смотрел(а), буду смотреть), глаголы совершенного вида – две формы – прошедшего и будущего простого (посмотрел(а), посмотрю).

Кабардино-черкесский язык имеет сложную систему времени глагола. В нем выделяются две группы времен: к первой группе относятся формы, выражающие отношение времени действия к моменту речи, ко второй – передающие отношение времени действия к определенному моменту в прошлом, девять временных форм (настоящее время (сокІуэ – я иду), будущее I (неопределенное) (сыкІуэнц – я пойду), будущее II (определенное) (сыкІуэнущ – я пойду), перфект I (прошедшее завершённое) (сыкІуащ – я пошел (пошла)/ходил(а)), перфект II (предпрошедшее завершённое) (сыкІуат – я пошел (пошла)/ходил(а) (тогда, к тому моменту), имперфект (прошедшее незавершённое) (сыкІуэт – я шел (шла)/ходил(а) (тогда, в тот момент), плюсквамперфект I (прошедшее далекое завершённое) (сыкІуэгъащ – я пошел (пошла)/ходил(а) (то-

гда), плюсквамперфект II (предпрошедшее далекое завершённое) (сыкIуэгъат – я ходил(а) (тогда, к тому моменту), аорист (прошедшее законченное, однократное, мгновенное) (сыкIуэщ аби (сыкIуэри) къэсхъащ – я пошел (пошла) и принес(ла). Элементы временной дистанции в кабардино-черкесском языке транслируют временную локализацию по степени удаленности действия, а также детализированность прошедшего времени по сравнению с будущим.

Темпоральная категоризация действительности в кабардино-черкесском языке проявляет сходные черты с английским языком, располагающим двенадцатью временными формами. В английском языке настоящее, прошедшее и будущее времена делятся на простое (*simple* – *I read* (я читаю) (часто, каждый год, вообще), *I read* (я (про)читал(а) (вчера, минуту назад), *I will read* (я прочитаю (потом, через минуту, когда-нибудь), прогрессивное, длительное (*progressive, continuous* – *I am reading* (я читаю (сейчас), *I was reading* (я читал(а) (тогда, в тот момент), *I will be reading* (я буду читать (в тот момент), завершённое, перфектное (*perfect* – *I have read* (я прочитал(а)/дочитал(а) (уже, только что), *I had read* (я прочитал(а) (к тому моменту), *I will have read* (я прочитаю (к тому моменту) и совершенное (перфектное) прогрессивное (*perfect progressive* – *I have been reading* (я читал(а) и еще продолжаю читать)), *I had been reading* (я читал(а) (на протяжении какого-то времени к тому моменту), *I will have been reading* (я буду читать (уже на протяжении некоторого времени к тому моменту)). В системе глагольных времен английского языка отражено предшествование какому-то моменту, факту или событию и соотносённость с ним в настоящем, прошедшем и будущем, передающиеся перфектными формами глагола.

Английский язык обязывает указывать в языке определенные части информации, которые могут быть оставлены на усмотрение контекста в некоторых дру-

гих языках. К примеру, в предложении об ужине с соседом английский язык не обязывает обозначать пол компаньона, однако заставляет указывать время мероприятия: «*We dined*» (мы обедали), «*We have been dining*» (мы обедали), «*We are dining*» (мы обедаем), «*We will be dining*» (мы будем обедать). Китайский, с другой стороны, не обязывает говорящих сообщать точное время действия каждый раз, когда они используют глагол в связи с тем, что одна и та же глагольная форма может использоваться для прошедших, настоящих или будущих действий. Это не означает, что носители китайского языка не могут указать время действия, если они считают его особенно важным. Однако в отличие от англоговорящих они не обязаны делать это каждый раз [7, с.152].

В русском, английском и кабардино-черкесском языках наблюдается некоторое лингвокультурное сходство в понимании настоящего времени, сопряженного с будущим временем, которое часто находит грамматическое выражение формами настоящего времени в русском и кабардино-черкесском языках, и настоящего длительного времени – в английском: «Я еду (лечу) в Париж на следующей неделе» / «*I am going (flying) to Paris next week*» / «Сэ тхьэмахуэ къагIуэм Париж сокIуэр (иду) / сольатэр (лечу)». Данные примеры свидетельствуют о значении, придаваемом будущему времени, которое неотделимо от настоящего, протекающего в будущее, а также о детерминирующей роли настоящего времени по отношению к будущему.

Г. Штайнер [15] утверждает, что будущее время имеет важные последствия для человеческой души и разума, поскольку оно формирует представление о времени и рациональности, даже сама суть человечности, давая надежду на будущее.

Приоритет времени над пространством для западной культуры (по сравнению с русской) исследователи видят в обозначении на пешеходных дорогах Ев-

ропы расстояния от пункта «А» до пункта «Б» не в метрах, а в минутах [16, с. 130].

Экспликация времени в разных языках некоторыми исследователями рассматривается как маркер темпоральной ориентации культуры.

В русском языке, к примеру, используется обозначение времени, ориентированное на будущее: 08:10 – десять минут девятого, 10:30 – половина одиннадцатого – в русском языке проявляется стремление к следующему часу.

В английском языке первые полчаса выражаются в направлении назад: 08:10 – ten past eight (десять после восьми), 10:30 – half past ten (половина после десяти), однако 07:45 – a quarter to eight (четверть до восьми).

В литературе данное обстоятельство рассматривается как ориентированность носителей русского языка в будущее, истоки которого связываются с историей и религией русских: Советский Союз – построение коммунизма, светлого будущего под лозунгами «Пятилетку в четыре года!», «Время, вперед!», в литературе – футуризм, отрекавшийся от прошлого, в религии – устремление в будущее с верой о жизни в раю, о вознаграждении после смерти [17, с. 182; 18, с. 372].

Английский язык воспринимается как язык культуры, ориентированной на прошлое: трепетное отношение к предметам старины, соблюдение традиций, обычаев, ритуалов – что самое страшное, что может случиться со страной и народом, – это великое шекспировское «Порвалась связь времен!» [17; 19].

Форма выражения в английском языке «I have done it» (Я это сделал(а) – досл. «Я имею это сделанным») проецирует ориентированность английской культуры на осуществление действия [20].

Нацеленность на результат и уверенность в наступлении будущего в русской и кабардино-черкесской лингвокультурах транслируется формой совершенного вида в русском языке и будущего II (определенного) в кабардино-

черкесском языке: «Я пойду» / «Сэ сых-Іуэнуш» (Я пойду – Я уверен, что это произойдет). При этом эквивалент в английском языке «I will go» (I am willing to go – Я хочу пойти) проявляет связь скорее с желанием (will – желание, воля), чем с уверенностью.

В этом отношении кабардино-черкесский язык, проявляющий безусловное почитание прошлого и традиционного, соответствующего кодексу чести «Адыгэ Хабзэ», в экспликации времени, возможно, испытывает влияние государства проживания его носителей, демонстрируя восприятие времени, характерное для россиян: 08:10 – сыхьэтибгъум дакыкь-ипщІкІэ ежъащ (десять минут девятого), 10:30 – сыхьэт пщыкІузым и ныкьуэщ (половина одиннадцатого). При этом стремлением соответствовать вызовам современности, развиваться в ногу со временем пронизано адыгское мировоззрение, в частности, народное словотворчество: «Зэманым декІур лыфІщ» (досл. хорош соответствующий времени человек), «БлэкІам укІэлъымыджэ» (не зови прошлое), «Къэбублэ хабзэщ» (все новое может впоследствии стать традицией).

Эквивалентность русских слов «утро», «день», «вечер», «ночь» понятиям «morning», «day», «evening», «night» в английском языке в значительной степени полагается мнимой [21]. В английском языке в основе обозначения точного времени лежит «полдень»: «am» и «pm» в переводе с латинского означают «до полудня» (ante meridiem) и «после полудня» (post meridiem): 2 am (два часа до полудня), 2 pm (два часа после полудня). Момент полуночи наступает ровно через 12 часов после полудня предыдущего дня и за 12 часов до полудня следующего дня. Поскольку время до полудня концептуализируется как «утро», два часа ночи для русской лингвокультуры в английском языке соответствуют двум часам утра (до полудня).

Спецификация времени при темпоральной категоризации действительности

выявляет особенности национального мышления. Наличие в языке большого количества уточняющих время деталей можно рассматривать как показатель значения, которое придается этническим сообществом времени.

Выводы

Проанализированный в ходе исследования материал разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков подтверждает фундаментальную роль системы референции в оформлении культуры и когнитивности.

Пространственно-временные понятия в языках с различной структурой манифестируют различия в восприятии и интерпретации разными народами деталей окружающего мира.

Языки, обладающие более детальной системой видовременных форм глагола, проецируют ситуацию подробнее, без существенной зависимости от контекста: законченность, протяженность, повторяемость, конкретность, запланированность / спонтанность действия и т.д.

Таким образом, пространственно-временные отношения относятся к основным ориентирам в процессе формировании картины мира.

Изучение языка представителями иных сообществ сопряжено с постижением ментального устройства и мировидения другого этноса. Языковые данные выступают ключом к декодированию значимой информации для представителей различных народов.

Список литературы

1. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
2. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. New York: Oxford University Press, 1996. 500 p.
3. Лукьянченко Е.А. К вопросу выражения концепта времени в различных лингвокультурах // Вестник МГИМО. 2012. № 6. С. 328–329.
4. Tenbrink T. Space, time, and the use of language: An investigation of relationships. Researchgate.net; 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/228757191_Space_time_and_the_use_of_language_An_investigation_of_relationships
5. Levinson S. Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2003. 389 p.
6. Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм / отв. ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2020. 800 с.
7. Deutscher G. Through the language glass: why the world looks different in other languages. New York: Henry Holt and Company, 2010. 320 p.
8. Evans N.D. A Grammar of Kayardild: With Historical-Comparative Notes on Tangkic, Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1995. 837 p.
9. Whorf B.L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. 278 p.
10. Leavitt J. Linguistic relativities // Language, culture and society / ed. by Ch. Jourdan, K. Tuitt. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 47–81.
11. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.
12. Brown P., Levinson S.C. 'Uphill' and 'downhill' in Tzeltal // Journal of Linguistic Anthropology. 1993. 3. P. 46–74.
13. Haspelmath M. From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages. München – Newcastle: Lincom Europa, 1997. 188 p.

14. Sinha C., Gärdenfors P. Time, space and events in language and cognition. A comparative view // *Annals of the New York Academy of Science*. 2014. 1326(1). P. 72–81. <https://doi.org/10.1111/nyas.12491>
15. Steiner G. *After Babel: Aspects of Language and Translation*. Oxford University Press, 1998. 538 p.
16. Павловский И.В. Время и пространство в европейской и русской картине мира. // *Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 2. С. 119–132.
17. Тер-Минасова С.Г. *Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики*. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.
18. Победаш Е.В. Категория времени в культурологическом аспекте и определение «текущего часа» как лингвокультурный маркер // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2012. №10 (69). С. 370–373.
19. Сухина Е.И. Пространство и время в современном британском и русском самосознании сквозь призму прессы (по материалам «The Times», «The Daily Telegraph», «Независимой газеты» и «Аргументов и фактов»). М., 2004. 184 с.
20. Ларина Т.В. *Англичане и русские: язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
21. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. *Время суток и виды деятельности* // *Логический анализ языка. Язык и время*. М.: Индрик, 1997. 352 с.

References

1. Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1: theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press; 1987. 540 p.
2. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. New York: Oxford University Press; 1996. 500 p.
3. Luk'yanchenko E.A. On the issue of expressing the concept of time in various linguistic cultures. *MGIMO Bulletin = Vestnik MGIMO*. 2012;(6):328–329. (In Russ.).
4. Tenbrink T. Space, time, and the use of language: An investigation of relationships. Researchgate.net; 2024. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228757191_Space_time_and_the_use_of_language_An_investigation_of_relationships
5. Levinson S. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge; 2003. 389 p.
6. Borodai S.Yu. *Language and Cognition: An Introduction to Post-Relativism*. Moscow: Sadra: Izdatel'skii Dom YaSK; 2020. 800 p. (In Russ.).
7. Deutscher G. *Through the language glass: why the world looks different in other languages*. New York: Henry Holt and Company; 2010. 320 p.
8. Evans N.D. *A Grammar of Kayardild: With Historical-Comparative Notes on Tangkic*, Berlin, New York: De Gruyter Mouton; 1995. 837 p.
9. Whorf B.L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; 1956. 278 p.
10. Leavitt J. Linguistic relativities. In: Ch. Jourdan, K. Tuite (eds.) *Language, culture and society*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. P. 47–81.
11. Bgazhnokov B.Kh. *Essays on the ethnography of communication of Adyghes*. Nal'chik: El'brus; 1983. 229 p. (In Russ.).
12. Brown P., Levinson S.C. 'Uphill' and 'downhill' in Tzeltal. *Journal of Linguistic Anthropology*. 1993;(3):46–74. (In Russ.)

13. Haspelmath M. From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages. München – Newcastle: Lincom Europa; 1997. 188 p.
14. Sinha C., Gärdenfors P. Time, space and events in language and cognition. A comparative view. *Annals of the New York Academy of Science*. 2014;1326(1):72–81. <https://doi.org/10.1111/nyas.12491>
15. Steiner G. After Babel: Aspects of Language and Translation. Oxford University Press, 1998. 538 p.
16. Pavlovskii I.V. Time and space in the European and Russian picture of the world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Bulletin of Moscow University. Linguistics and intercultural communication*. 2013;(2):119–132. (In Russ.).
17. Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures: issues of theory and practice. Moscow: AST: Astrel': Khranitel'; 2007. 286 p. (In Russ.).
18. Pobedash E.V. The category of time in the cultural aspect and the definition of the “current hour” as a linguocultural marker. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2012;(10):370–373. (In Russ.).
19. Sukhina E.I. Space and time in modern British and Russian self-awareness through the prism of the press (based on materials from The Times, The Daily Telegraph, Nezavisimaya Gazeta and Arguments and Facts). Moscow; 2004. 184 p. (In Russ.).
20. Larina T.V. English and Russians: language, culture, communication. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2013. 360 p. (In Russ.).
21. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Time of day and types of activities. In: *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya = Logical analysis of the language. Language and time*. Moscow: Indrik; 1997. 352 p. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Маремукова Эллеонора Владимировна, кандидат филологических наук, главный специалист-эксперт, Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация,
e-mail: eleonora16@mail.ru,
SPIN-код: 5605-7947,
ORCID: 0000-0003-3567-9693

Eleonora V. Maremukova, Candidate of Sciences (Philological), Chief Expert Specialist, Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik Russian Federation,
e-mail: eleonora16@mail.ru,
SPIN-код: 5605-7947,
ORCID: 0000-0003-3567-9693